
СТАСЯ БЕСТУЖЕВА
Наш с тобой
РАЗВОД

Стася Бестужева
Наш с тобой развод

https://litres.ru/74720277

Аннотация

Компьютер пищит, оповещая о новом письме.

И три вложенных файла. Фотографии.

Я щелкаю на первую, и мир вокруг меня начинает медленно, очень медленно распадаться на части.

На экране – наш загородный дом. Знакомое крыльцо, знакомые фонари, которые я сама выбирала в том дизайнерском салоне на Остоженке.

И на крыльце – мой муж. Дмитрий. Он обнимает женщину. Молодую, стройную, в светлом плаще. Ее волосы – длинные, темные – рассыпались по его плечу. Его лицо зарыто в эти волосы.

Они стоят так, как стоят только любовники. Тесно. Слитно. Как будто между ними нет ни миллиметра пространства, ни грамма сомнений.

Рука, держащая мышку, начинает дрожать. Я открываю вторую фотографию.

Они целуются. Его руки на ее талии, ее руки обхватили его шею. Это не дежурный поцелуй в щеку, не дружеское прощание. Это страсть. Это голод. Это то, чего между нами не было уже... сколько? Год? Два? Больше?

Третья фотография делает невозможное…

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	37
Глава 7	43
Глава 8	50
Глава 9	55
Глава 10	68
Глава 11	75
Глава 12	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Глава 1

Курсор мигает на экране. Я должна закончить этот проект к пятнице, а сегодня уже среда, и макет фасада все еще не идеален. Что-то не то с балконами на третьем этаже – слишком массивно, нарушают симметрию. Нужно сделать их более легкими, ажурными, но при этом не потерять функциональность.

Я откидываюсь на спинку рабочего кресла, потягиваю остывший кофе. За окном моего домашнего кабинета – серый московский октябрь. Дождь барабанит по стеклу уже третий день подряд, и от этого на душе тоже как-то сыро и неуютно.

– Мам! – в дверь просовывается растрепанная голова Максима. – Я проголодался. Можно я сделаю бутерброд?

Смотрю на часы – половина третьего. Черт, совсем забыла про обед.

– Иди, солнышко, я сейчас приду. Только помой руки.

Максим исчезает, топая босыми ногами по паркету. Слышу, как он что-то напевает – какую-то песенку из TikTok, которую все дети в его школе сейчас повторяют до одурения. Мой десятилетний сын уже живет в мире, который я с трудом понимаю.

Компьютер пищит, оповещая о новом письме. Наверное, клиент – они всегда нетерпеливые, требуют правок, спешат.

Машинально кликаю на уведомление.

Тема письма: "То, что вы должны знать".

Отправитель: noname@protonmail.com.

Сердце пропускает удар. Спам? Вирус? Но почему-то я не закрываю письмо. Пальцы сами открывают его.

Текста почти нет. Всего одна строчка:

"Простите, но вы имеете право знать правду. Прилагаю доказательства".

И три вложенных файла. Фотографии.

Я щелкаю на первую, и мир вокруг меня начинает медленно, очень медленно распадаться на части.

На экране – наш загородный дом. Тот самый, в который мы с Димой вложили столько сил и денег, который строили три года, где проводим каждые выходные с детьми. Знакомое крыльцо, знакомые фонари, которые я сама выбирала в том дизайнерском салоне на Остоженке.

И на крыльце – мой муж. Дмитрий. В той самой темно-синей куртке, которую я подарила ему на день рождения. Он обнимает женщину. Молодую, стройную, в светлом плаще. Ее волосы – длинные, темные – рассыпались по его плечу. Его лицо зарыто в эти волосы.

Они стоят так, как стоят только любовники. Тесно. Слитно. Как будто между ними нет ни миллиметра пространства, ни грамма сомнений.

Рука, держащая мышку, начинает дрожать. Я открываю вторую фотографию.

Они целуются. Его руки на ее талии, ее руки обхватили его шею. Это не дежурный поцелуй в щеку, не дружеское прощание. Это страсть. Это голод. Это то, чего между нами не было уже... сколько? Год? Два? Больше?

Третья фотография делает невозможное – становится еще хуже. Они садятся в машину – его машину, черный Range Rover, который он так любит. Она на водительском сиденье. Он наклоняется к ней через открытую дверь, целует еще раз. На этом снимке видны их лица. Его – счастливое, расслабленное, молодое. Ее – смеющееся.

Я не знаю эту женщину. Никогда ее не видела.

Дата на фотографиях – 14 октября. Понедельник. Три дня назад.

В понедельник Дима был в командировке. В Петербурге. На встрече с инвесторами. Он звонил мне вечером из гостиницы, жаловался на усталость, говорил, что скучает, что завтра постарается вернуться пораньше.

Я помню этот разговор. Помню, как я стояла на кухне, помешивая суп для детей, и думала: "Бедный, устал, работает как проклятый". Даже подумала испечь его любимый яблочный пирог к возвращению.

Испекла.

Он съел два куска, поцеловал меня в лоб и сказал: "Ты лучшая, Анечка".

Телефон. Мне нужно позвонить ему. Сейчас же. Спросить, что это. Кто это. Потребовать объяснений.

Пальцы набирают его номер сами, на автомате. Гудки. Один. Второй. Третий.

– Аня, привет, – его голос такой обычный, такой знакомый. – Что-то случилось? Я на совещании.

Что-то случилось? Хороший вопрос, Дима. Отличный вопрос.

– Нет, ничего, – слышу я свой голос, удивительно ровный. – Просто хотела спросить... ты сегодня вернешься к ужину?

– Постараюсь к восьми. У нас тут затянулось с презентацией нового проекта. Я потом расскажу.

– Хорошо. До вечера.

Я кладу трубку. Смотрю на экран, где все еще открыта третья фотография. На лицо мужа, который выглядит счастливее, чем я видела его за последние годы. На лицо незнакомой женщины, которая смеется, запрокинув голову.

Внутри меня что-то ломается. Не с треском, не с болью даже – просто тихо, почти незаметно рассыпается на мелкие осколки. Как будто кто-то взял нашу жизнь – красивую, выстроенную, упорядоченную – и уронил на пол. И теперь повсюду осколки, и я не знаю, можно ли их вообще собрать.

– Мам! – Максим стоит в дверях с огромным бутербродом в руках. – Ты идешь? Я уже все сделал сам.

Я быстро сворачиваю окно с фотографиями. Поворачиваюсь к сыну, натягиваю на лицо улыбку.

– Молодец, умница. Иди, ешь. Я сейчас приду.

Когда он уходит, я открываю письмо снова. Перечитываю

единственную строчку. Смотрю на адрес отправителя – анонимный, одноразовый, невозможно отследить.

Кто это прислал? И главное – зачем?

Может, это чья-то жестокая шутка? Фотомонтаж? В наше время можно подделать что угодно. Дипфейки, искусственный интеллект – я читала об этом.

Но в глубине души я знаю. Знаю по выражению его лица на тех снимках. Знаю по тому, как мое сердце сжалось в комок еще до того, как мозг успел осознать, что именно я вижу. Какая-то древняя, животная часть меня распознала угрозу раньше, чем это сделал разум.

Я увеличиваю первую фотографию, всматриваюсь в детали. Пытаюсь найти хоть что-то, что докажет мне, что это не настоящее. Но все слишком реальное. Капли дождя на линзе камеры. Желтый свет фонарей, отражающийся на мокрой брусчатке. Знакомые до боли очертания нашего дома.

И они. Он и она. Обнимающиеся, целующиеся, счастливые.

В моем загородном доме. Там, где мы с Димой мечтали провести старость. Где Даша в прошлом году отметила свой тринадцатый день рождения. Где Максим прошлой весной построил скворечник вместе с отцом.

Телефон опять звонит. Дима. Перезванивает.

– Аня, прости, отошел с совещания. Ты так странно звучала. Точно все в порядке?

Все в порядке? Я смотрю на экран компьютера, где навсе-

гда запечатлена его измена, и он спрашивает, все ли в порядке?

– Дим, – мой голос предательски дрожит, – скажи честно. Ты правда был в понедельник в Петербурге?

Пауза. Слишком длинная. Слишком красноречивая.

– Конечно. А что?

Он лжет. Я слышу это по интонации. За шестнадцать лет брака я научилась считывать каждое изменение в его голосе.

– Просто мама говорила, что видела Range Rover, похожий на твой, на Рублевке. Подумала, может, ты вернулся раньше и не сказал.

Еще одна пауза. Я почти физически чувствую, как он лихорадочно придумывает объяснение.

– А, ну это... наверное, Сергей брал мою машину. У него своя в сервисе была. Я же из аэропорта на такси ехал, помнишь?

Сергей. Его партнер по бизнесу. Удобная отмазка.

– Да, помню. Ладно, мне показалось. Не обращай внимания.

– Хорошо. Слушай, я правда должен бежать. Люблю тебя. Увидимся вечером.

– Люблю тебя. – Слова вылетают автоматически, по привычке. А когда я их произношу, понимаю, что не знаю, правда ли это. Люблю ли я его? Любила ли вообще в последние годы? Или просто плыла по течению, по инерции, потому что так удобно, так привычно?

Он отключается, и я сижу в тишине своего кабинета, держа в руке телефон и глядя на экран компьютера.

Мне тридцать четыре года. У меня двое детей, дом в Москве и загородный дом на Рублевке, муж-предприниматель, обеспеченная жизнь. На бумаге все выглядит идеально.

А в реальности мой муж изменяет мне с какой-то молодой женщиной. И теперь я знаю об этом благодаря анонимному письму от неизвестного отправителя.

Что мне делать? Устроить скандал? Потребовать объяснений? Или сделать вид, что ничего не знаю, и продолжать жить как раньше?

❤# Дорогие читатели! ❤#

Добро пожаловать в мою первую книгу!

Мне очень волнительно и нужна ваша поддержка))

Буду благодарна вашим *комментариям*и “звездочке” (“Мне нравится”) *## на странице книги.*

Вам нетрудно, а мне и Музу очень и очень приятно))

И это очень благоприятно влияет на написание новых интересных и эмоциональных романов для вас любимых читателей ❤#

С любовью ваша Стася Бестужева

Глава 2

Открываю фотографии еще раз. Смотрю на них до тех пор, пока они не отпечатываются на сетчатке, пока каждая деталь не впивается в память как раскаленным железом.

Его руки на ее талии.

Его лицо в ее волосах.

Его счастливая улыбка.

Когда в последний раз он так улыбался мне?

Не могу вспомнить.

И тут меня накрывает. Не сразу, не волной – а как-то изнутри, из самой глубины. Сначала тошнота. Потом головокружение. Потом боль – острая, пронзительная, такая, что хочется согнуться пополам и закричать.

Но я не кричу. Просто сижу в своем рабочем кресле, смотрю на серый октябрьский дождь за окном и чувствую, как рушится моя жизнь.

А в соседней комнате мой десятилетний сын ест бутерброд и напевает глупую песенку. Через час придет Даша из школы – шумная, вечно недовольная, в своем подростковом мире. Вечером вернется Дима – с улыбкой, с поцелуем в лоб, с рассказами о работе.

И я должна буду встретить его, накормить ужином, спросить, как прошел день. Должна буду играть роль любящей жены в спектакле, который, оказывается, давно уже стал

фарсом.

Сохраняю фотографии в отдельную папку. Называю ее "Налоги_2024" – никто не будет смотреть. Удаляю письмо. Закрываю почту.

Возвращаюсь к проекту фасада, но линии расплываются перед глазами. Пытаюсь сосредоточиться – нужно закончить работу, дедлайн не ждет. Но мысли возвращаются к тем фотографиям снова и снова, как язык к больному зубу.

Кто она?

Как давно это длится?

Любит ли он ее?

И самый страшный вопрос, который я боюсь себе задать: может, он прав? Может, у нас действительно остался только "бумажный брак", просто я не хотела этого замечать?

Я помню, как мы познакомились. Мне было восемнадцать, ему двадцать два. Я – студентка архитектурного, мечтающая изменить облик городов. Он – начинающий программист с горящими глазами и амбициозными планами. Мы встретились на вечеринке у общих друзей, проговорили до утра, и я влюбилась. Безоглядно, безрассудно, навсегда – как мне тогда казалось.

Мы поженились, когда мне исполнился двадцать один. Молодые, бедные, счастливые. Снимали крошечную квартиру на окраине, питались дошираком, строили планы на будущее.

Потом родилась Даша. Я взяла академический отпуск, по-

том еще один год, потом поняла, что вернуться в офис не могу – не с кем оставить ребенка, детские сады не берут до трех лет. Дима в это время начал делать первые деньги – его стартап выстрелил. Мы переехали в центр Москвы. Я забеременела Максимом.

И где-то там, между памперсами и ночными кормлениями, между новой квартирой и загородным домом, между школьными собраниями и фриланс-проектами я потеряла себя. Перестала быть Аней – архитектором, мечтательницей, девушкой с горящими глазами. Стала просто мамой Даши и Максима. Женой Дмитрия Ковалева.

А он? Он стал успешным предпринимателем. Владельцем IT-компании с оборотом в сотни миллионов. Человеком, которого узнают на бизнес-конференциях. Человеком, к мнению которого прислушиваются.

Мы разошлись. Не физически – мы по-прежнему спим в одной постели, завтракаем за одним столом, проводим выходные вместе. Но между нами выросла стена. Незаметная, но непреодолимая.

Когда мы перестали разговаривать по-настоящему? Не о детях, не о счетах, не о бытовых мелочах – а по душам, как раньше?

Когда он перестал смотреть на меня так, как смотрит на ту женщину с фотографий?

И самое страшное – когда я перестала скучать по нему, когда он уезжает в командировки?

Слезы текут по лицу, и я даже не сразу замечаю их. Они просто есть – горячие, соленые, бесконечные. Я плачу тихо, почти беззвучно, чтобы Максим не услышал из соседней комнаты.

Плачу о той молодой паре, которая когда-то разговаривала до утра и верила, что любовь победит всё. О мечтах, которые так и не сбылись. О жизни, которая пошла не туда. О муже, который нашел счастье в объятиях другой женщины.

И о себе – тридцатичетырехлетней, уставшей, потерявшейся где-то между домашними обязанностями и фриланс-проектами. О себе, которая только сегодня, глядя на эти проклятые фотографии, поняла: моя жизнь разваливается на части, а я даже не заметила, когда это началось.

На часах уже почти четыре. Скоро придет Даша. Нужно умыться, привести себя в порядок, приготовить ужин. Нужно быть мамой, женой, хозяйкой дома.

Нужно притвориться, что мир не рухнул сегодня в половине третьего дня, когда я открыла письмо от неизвестного отправителя.

Встаю из-за компьютера, иду в ванную. Умываюсь холодной водой, смотрю на свое отражение в зеркале. Бледное лицо, красные глаза, растрепанные волосы. Тридцать четыре года, а выгляжу на все пятьдесят.

Когда я последний раз была в салоне красоты? Покупала себе новое платье? Делала что-то для себя, а не для детей или мужа?

Не помню.

Телефон вибрирует. Сообщение от Димы: "Встреча затянулась, буду к девяти. Не ждите с ужином. Люблю".

Не ждите с ужином. Удобно. Может, он снова едет к ней? В наш загородный дом, где они обнимаются на крыльце и целуются в машине?

Или я схожу с ума, и у всего этого есть безобидное объяснение?

Но глубоко внутри я знаю правду. Я всегда ее знала, просто не хотела видеть. Не хотела разрушать иллюзию стабильности, благополучия, семейного счастья.

А теперь кто-то разрушил ее за меня. Прислав три фотографии на анонимный адрес.

И мне остается только одно – решить, что я буду делать с этой правдой.

Даша приходит ровно в четыре, как обычно. Хлопает дверь, в прихожей раздается грохот брошенного рюкзака, потом её недовольный голос:

– Мам, у нас опять нечего нормального поесть! Почему в холодильнике одни йогурты?

Я выхожу из ванной, всё ещё вытирая лицо полотенцем. Пытаюсь улыбнуться.

– Привет, солнышко. Как день прошёл?

Она смотрит на меня своими карими глазами – точная копия Диминых – и хмурится.

– Нормально. Мам, ты чего? Ты плакала?

Четырнадцатилетние девочки видят всё. Особенно когда дело касается родителей.

– Нет, что ты. Просто устала. Проект сложный, глаза болят от монитора.

Она явно не верит, но не настаивает. Просто продолжает стоять в коридоре, изучая моё лицо с той подростковой прямотой, от которой никуда не скрыться.

– Ты с папой поругалась?

– Нет. Всё в порядке. Иди, перекуси чем-нибудь, я сейчас что-нибудь приготовлю к ужину.

Она пожимает плечами и уходит к себе в комнату. Через секунду оттуда доносится музыка – какой-то рэп, от которого дрожат стены. Раньше я бы попросила сделать потише. Сейчас мне всё равно.

Возвращаюсь в кабинет, закрываю дверь. Сажусь за компьютер. Руки всё ещё дрожат.

Те три фотографии лежат в папке "Налоги_2024", и я знаю, что если открою их снова, то просто сойду с ума. Поэтому делаю другое – то, о чём подумала ещё полчаса назад, но боялась.

Открываю браузер. Захожу в наш семейный облачный аккаунт.

Мы завели его года четыре назад – Дима настоял. Сказал, что так удобнее хранить семейные фотографии, документы, важные файлы. У всех общий доступ – у меня, у него, даже у Даши, когда ей понадобилось сохранять школьные проекты.

"Семейное облако" – Дима даже назвал его так. Трогательно, правда?

Логин и пароль я помню наизусть. Захожу. И первое, что вижу – там появилась новая папка. Называется "Архив_2024".

Странное название. Какой архив? Чей архив?

Кликаю на папку, сердце колотится так, что кажется, вот-вот выскочит из груди.

Внутри – ещё несколько папок. "Фото", "Переписка", "Видео", "Документы".

Я смотрю на экран и понимаю, что стою на краю пропасти. Могу ещё отступить. Закрыть эту папку, удалить её из памяти, притвориться, что не видела. Вернуться к своему проекту, к детям, к ужину. К иллюзии нормальной жизни.

Или могу шагнуть вперёд – и тогда точно не будет пути назад.

Глава 3

Открываю папку "Переписка".

Там текстовые файлы. Десятки, может, сотни. Названия – даты. Начинаются с декабря прошлого года.

Декабря. Почти год назад.

Открываю первый файл наугад. Февраль 2024.

Он: Скучаю. Не могу дождаться пятницы.

Она: Я тоже. Эти три дня как вечность.

Он: Ты думала о том, что я сказал?

Она: О чём именно? Ты много чего говорил вчера вечером ##

Он: О нас. О будущем. Я серьёзно, Ника. Я хочу быть с тобой. По-настоящему.

Она: А как же...?

Он: Я разберусь. Обещаю. Просто дай мне время.

Она: У меня есть время. Я готова ждать. Потому что ты стоишь того.

Он: Люблю тебя.

Она: И я тебя. Больше, чем ты думаешь.

Тошнит. Физически тошнит. Я зажимаю рот рукой, пытаясь сдержаться.

Ника. Вероника, должно быть. Открываю следующий файл. Март.

Она: Дим, мне нужно тебе кое-что сказать.

Он: Что-то случилось?

Она: Не знаю, как ты к этому отнесёшься...

Он: Говори. Что угодно.

Она: Я беременна.

Дальше долгая пауза. Наверное, минуты три – время указано в файле. А потом:

Он: Ты уверена?

Она: Три теста. Все положительные.

Он: Господи...

Она: Я понимаю, если ты не готов. Я справлюсь сама. Просто подумала, что ты должен знать.

Он: Нет. Не так. Я просто... в шоке. Дай мне время переварить.

Она: Хорошо. Извини. Не хотела тебя пугать.

Он: Ты не пугаешь. Просто это многое меняет.

Она: Знаю.

Он: Ника... я не брошу тебя. Ни тебя, ни нашего ребёнка. Слышишь? Мы справимся.

Она: Правда?

Он: Правда. Я люблю тебя. И я буду рядом. Что бы ни случилось.

Экран расплывается перед глазами. Не могу дышать. Не могу думать. Только эти слова, крутящиеся в голове как проклятие: наш ребёнок, я люблю тебя, я буду рядом.

А где он был, когда я была беременна Дашей? Когда меня рвало по утрам три месяца подряд, когда я набрала два-

дцать килограммов и рыдала, глядя на своё отражение? Он работал. Строил бизнес. "Потерпи, Анечка, это ради нашего будущего".

А когда я рожала Максима, и было так больно, что я думала, умру? Он сидел в коридоре со своим ноутбуком, заканчивал "важную презентацию". Зашёл в родзал только когда всё закончилось, поцеловал меня в лоб и сказал: "Молодец". Как хорошей собаке.

Но для неё он готов быть рядом. Для их ребёнка.

Открываю следующий файл. Апрель.

Он: Как самочувствие?

Она: Токсикоз достал. Не могу смотреть на кофе.

Он: Бедная моя. Хочешь, я приеду? Привезу что-нибудь?

Она: Ты же на работе.

Он: Плевать. Ты важнее.

Она: Я важнее твоей работы? Серьёзно?

Он: Серьёзнее некуда. Ты и малыш – это всё, что сейчас имеет значение.

Она: Я люблю тебя.

Он: И я тебя. Скоро всё будет по-другому. Обещаю.

По-другому. Что он имел в виду? Развод? Новую жизнь с ней?

Закрываю переписку. Не могу больше. Но руки сами открывают папку "Фото".

Там сотни снимков. Может, больше. Они в ресторанах. В кино. На природе. В постели.

В нашей постели. В нашем загородном доме. Она лежит на наших простынях, с нашими подушками за спиной, смеётся в камеру. На ней одна из моих ночных рубашек – я помню эту, голубую, шёлковую, купила в прошлом году, думала, Диме понравится.

Понравилась. Только не на мне.

Листаю дальше. Они на море – когда это было? Проверяю дату. Май. В мае Дима ездил в командировку в Сочи. "Встреча с инвесторами, неделю задержусь". А он был там с ней. Загорали на пляже, пили вино на закате, занимались любовью в номере отеля.

Еду дальше по фотографиям. Вот они в моей кухне. В нашей квартире. Она готовит, он обнимает её сзади, целует в шею. Когда это было? Как?

Потом вспоминаю. Июль. Я уезжала с детьми к родителям в Подмосковье на две недели. Дима сказал, что не может, работа. "Заканчиваю большой проект, съеду на выходные". Съездил один раз. На один день.

А всё остальное время проводил здесь. С ней. В нашем доме. В нашей постели. В нашей жизни.

Открываю папку "Видео". Там всего три файла. Смотрю на названия. Не хочу открывать. Знаю, что там – интимное, личное, то, что не должна видеть. Но не могу остановиться.

Открываю первый файл.

Это видео в гостиной нашего загородного дома. Запись с телефона, снимает она. Дима сидит на диване – на нашем

диване, где мы с детьми смотрим мультфильмы по пятницам – и гладит её живот. Тот самый, с его ребёнком внутри.

– Привет, малыш, – говорит он тихо. – Я твой папа. Знаю, рано ещё, ты меня не слышишь. Но я уже люблю тебя. Очень сильно. И обещаю, что буду лучшим отцом на свете. Обещаю.

Она гладит его по волосам, и в её голосе столько нежности:

– Ты уже лучший.

– Нет, – он качает головой. – Но буду. Для тебя и для нашего малыша я стану лучшим.

Выключаю видео. Не могу больше. Просто не могу.

Сижу, уставившись в экран. Внутри пустота. Не ярость даже, не боль – просто огромная, всепоглощающая пустота. Как будто кто-то вычерпал из меня всё – все эмоции, все мысли, саму жизнь – и оставил только оболочку.

Семнадцать лет. Мы вместе семнадцать лет. Шестнадцать из них женаты. Двое детей. Дом. Общие друзья, общие воспоминания, общая жизнь.

И всё это время – последний год – он строил другую жизнь. С другой женщиной. В нашем доме, в нашей постели, в нашем будущем, которое, оказывается, давно перестало быть нашим.

Смотрю на часы. Половина шестого. Дима придёт через три с половиной часа. Придёт, поужинает, расскажет о своём дне, поцелует детей, ляжет со мной в постель. И я... что я

сделаю?

Устрою скандал? Выложу всё, что нашла? Потребую объяснений, которые всё равно ничего не объяснят?

Или промолчу? Сделаю вид, что не знаю? Буду жить дальше в этой лжи, пока он сам не решит, что пора мне сообщить?

Проверяю папку "Документы". Там договор аренды квартиры. На его имя, но адрес не наш. Смотрю – это центр, Патриаршие пруды. Элитный дом. Снял для неё, видимо.

Ещё медицинские документы. Из женской консультации. На имя Вероники Игоревны Соловьёвой. Беременность 18 недель, всё в норме, следующий приём назначен на 23 октября.

Через три дня.

Захожу в её аккаунт в соцсетях – ссылка сохранена в документах. Вероника Соловьёва, 26 лет, PR-менеджер. Работает в "IT Solutions". Это же Димина компания. Он ее коллега. Или, вернее, начальник – он же владелец.

Листаю её профиль. Красивая. Очень. Длинные тёмные волосы, огромные глаза, точёная фигура – пока ещё не видно беременности. Улыбка открытая, искренняя. Молодая. На восемь лет моложе меня.

На её странице фотографии с вечеринок, концертов, путешествий. Жизнь, полная впечатлений, эмоций, движения. Она выглядит счастливой. Свободной. Какой я была пятнадцать лет назад, до брака, до детей, до того, как моя жизнь

превратилась в бесконечный цикл стирки, готовки, уборки и фриланс-проектов.

Захожу на свою страницу. Смотрю на своё фото. Когда я его обновляла? Года два назад? На снимке – я у моря с детьми, улыбаюсь, обнимаю Дашу и Максима. Счастливая мать. Состоявшаяся женщина.

Только почему-то эта счастливая мать выглядит уставшей. У неё круги под глазами, волосы собраны в небрежный пучок, никакого макияжа. На ней старая футболка и джинсы. Ничего от той двадцатилетней Ани, которая мечтала проектировать небоскрёбы и менять облик городов.

Когда я стала этой женщиной? Когда перестала быть собой?

Глава 4

Возвращаюсь в облако. Открываю последний файл в переписке. Вчерашнее число.

Она: Дим, мне страшно.

Он: Чего ты боишься?

Она: Что ты передумаешь. Что выберешь её.

Он: Ника, я уже выбрал. Тебя. И малыша. Просто дай мне время всё правильно организовать.

Она: Сколько времени?

Он: Не знаю. Нужно подготовить детей. Анну. Не могу просто взять и уйти.

Она: Понимаю. Но я не могу вечно ждать. Через четыре месяца родится наш ребёнок, Дима. Я хочу, чтобы у него была нормальная семья. Не тайная любовница, которую ты навещаешь украдкой.

Он: Ты не любовница. Ты – моё будущее.

Она: Тогда докажи. Поговори с ней. Скажи правду. Или я сама это сделаю.

Он: Нет. Не надо. Я сам. Обещаю. Скоро.

Она: Когда "скоро"?

Он: После дня рождения Даши. Устрою праздник, потом поговорю с Анной. Хорошо?

Она: Хорошо. Но это последняя отсрочка, Дим. Я серьёзно.

Он: Понимаю. Люблю тебя.

Она: И я тебя.

День рождения Даши. Это послезавтра. Пятница. Нам – мне – исполняется четырнадцать. Мы планировали устроить вечеринку, пригласить друзей, накрыть стол. Дима обещал взять выходной, помочь с организацией.

А после он собирался поговорить со мной. Сказать, что уходит. К молодой беременной любовнице. К новой жизни, в которой нет места усталой тридцатичетырёхлетней жене.

Телефон вибрирует. Сообщение от Димы: "Освобождаюсь раньше. Буду через час. Закажу пиццу по дороге, не готовь."

Через час. У меня есть час, чтобы решить, что делать. Как жить дальше. Как смотреть ему в глаза, зная всё, что знаю.

Встаю из-за компьютера. Иду на кухню. Наливаю себе воды, делаю большой глоток. Смотрю в окно на серый московский вечер. Где-то там, в этом огромном городе, есть квартира на Патриарших, где его любовница ждёт, когда он, наконец, уйдёт из нашей семьи.

В ней растёт ребёнок. Его ребёнок. Ещё один сын или дочь, у которых будет отец, готовый быть рядом. Не то что со мной – не тот вечно занятый, вечно уставший человек, который появляется дома поздно вечером и исчезает рано утром.

Для неё он готов быть лучшим. Для меня он никогда таким не был.

И самое страшное – я не знаю, злюсь ли я на него, или

на себя. На него – за измену, за ложь, за эту параллельную жизнь. На себя – за то, что не замечала. За то, что позволила нам отдалиться так сильно, что он нашёл то, чего не хватало, в объятиях другой женщины.

Я помню, как мы были счастливы. Помню его смех, его руки в моих волосах, его шёпот в темноте. Помню, как он смотрел на меня, когда я была беременна Дашей – с таким благоговением, такой нежностью.

Когда это кончилось? Когда мы стали просто двумя людьми, живущими под одной крышей, выполняющими свои обязанности, но не чувствующими ничего?

Может, он прав. Может, у нас действительно "бумажный брак", и он просто первым нашёл в себе смелость это признать.

– Мам! – Даша кричит из своей комнаты. – У нас кончилась вода! Можешь принести?

– Сейчас! – кричу я в ответ, доставая бутылку из холодильника.

Несу ей воду. Она лежит на кровати с телефоном, погружённая в свой подростковый мир.

– Спасибо, – бормочет она, не отрываясь от экрана.

Смотрю на неё и думаю: через два дня её жизнь перевернётся. Она узнает, что папа нас бросает. Что у неё будет братик или сестричка от другой женщины. Что её семья, её дом, её мир – всё это было иллюзией.

Нет. Не дам. Не позволю ему разрушить их жизнь так про-

сто, между делом, после дня рождения.

Если он хочет уйти – пусть уходит. Но я не позволю сделать это так, как он задумал. Спокойно, цивилизованно, без последствий.

Я покажу ему эти файлы. Скажу, что знаю всё. Всё, что он тщательно скрывал целый год. И пусть объясняет. Пусть попробует оправдаться.

Но не сегодня. Сегодня я ещё не готова. Мне нужно время собраться с мыслями, решить, что делать дальше.

Возвращаюсь в кабинет. Копирую всю папку "Архив_2024" на флешку. Это мои доказательства. На случай, если понадобятся. Если дойдёт до развода, до суда, до дележа имущества.

Потом удаляю папку из облака. Пусть думает, что я ничего не знаю. Пусть готовится к своему признанию после дня рождения Даши. А я подготовлюсь к встрече.

Закрываю компьютер. Иду в ванную, снова умываю лицо холодной водой. Смотрю на себя в зеркало. Красные глаза, бледное лицо, дрожащие губы.

Через час придёт мой муж. Привезёт пиццу, поужинает с нами, расскажет о своём дне. И я буду сидеть напротив и делать вид, что всё в порядке. Что я не знаю о Веронике, о ребёнке, о его планах уйти.

Буду улыбаться, кивать, спрашивать о работе. Буду идеальной женой ещё два дня. А потом…

А потом начнётся наш с тобой развод, Дима. И ты узна-

ешь, что Аня, которую ты считал слабой, зависимой, безропотной, умеет кусаться. Очень больно кусаться.

Жду у окна. Смотрю на улицу, на огни города. Сердце стучит ровно, спокойно. Слёз больше нет. Только холодная ясность в голове и решимость в груди.

Что бы ни случилось дальше – я справлюсь. Ради себя. Ради детей. Ради той девчонки с горящими глазами, которая мечтала менять мир, а не подстраиваться под чужие желания.

Эта война только началась. И я не собираюсь её проигрывать.

Глава 5

Просыпаюсь от будильника в семь утра. Первая мысль – сегодня день рождения Даши. Вторая – сегодня тот день, после которого Дима собирался мне всё рассказать.

Поворачиваю голову. Он спит рядом, на своей половине кровати. Лицо расслабленное, спокойное. Дышит ровно. Выглядит невинным, как будто не планирует разрушить нашу семью через несколько часов.

Два дня я живу с этим знанием. Два дня смотрю на него и вижу незнакомца. Человека, который целый год врал мне в глаза. Который любит другую. Который уже выбрал не нас.

Встаю тихо, чтобы не разбудить. Иду в ванную. Долго смотрю на своё отражение. Под глазами тёмные круги – почти не спала. Лицо осунулось. За два дня я постарела лет на пять.

Но сегодня день рождения моей дочери. И я сделаю его идеальным, несмотря ни на что. Дима не испортит ей этот день. Я не позволю.

Достаю косметику. Тональный крем замазывает синяки под глазами. Консилер скрывает покраснения. Тушь делает взгляд ярче. Помада добавляет цвета бледным губам. Смотрюсь в зеркало. Вполне сносно. Можно играть роль счастливой жены.

К восьми начинается суета. Привозят торт – трёхъярус-

ный, розовый, украшенный макарунами и свежими ягодами. Даша выбирала его месяц, показывала картинки из Pinterest. Хотела "как у блогеров".

Следом приезжают флористы с композициями. Розовые и белые пионы – любимые цветы Даши. Они заполняют гостиную, столовую, коридор. Дом превращается в оранжерею.

Аниматоры привозят реквизит для игр. Кейтеринг разгружает коробки с закусками. Я координирую всё это, отдаю указания, проверяю детали. Автопилот. Я хороша в этом – в организации, в создании видимости идеальной жизни.

Дима появляется к девяти. Выходит из спальни в домашних штанах и футболке, сонный, растрёпанный. Видит весь этот хаос и улыбается.

– Вау. Ты как всегда на высоте, – говорит он, обнимая меня за плечи. – Даша будет в восторге.

Его прикосновение обжигает. Хочу отстраниться, оттолкнуть его. Но сдерживаюсь. Улыбаюсь. Отвечаю:

– Надеюсь. Я старалась.

– Ты лучшая, Анечка.

Лучшая. Слышу это слово и внутри всё сжимается. Интересно, он так же говорит Веронике? "Ты лучшая, Ника"?

Даша просыпается к десяти. Выходит из комнаты, видит украшенный дом и визжит от восторга. Бросается ко мне, обнимает.

– Мам! Это невероятно! Спасибо!

Обнимаю её в ответ, чувствую, как подкатывают слёзы.

Моя девочка. Четырнадцать лет. Ещё вчера она была крошечной, помещалась на моих руках. А теперь почти взрослая. Красивая, умная, счастливая.

Пока ещё счастливая. До того момента, как узнает правду об отце.

– Всё для тебя, солнышко, – шепчу я, целуя её в макушку.

Дима подходит с огромным букетом роз.

– С днём рождения, принцесса, – торжественно произносит он.

Даша снова визжит, хватает цветы, обнимает отца. Они стоят, прижавшись друг к другу, и я смотрю на них со стороны. На мужа и дочь. На то, как он любит её. Искренне любит.

Как же он может разрушить её мир?

День проходит в подготовке. Я готовлю, накрываю на стол, проверяю каждую деталь. Дима помогает – двигает мебель, развешивает гирлянды, настраивает музыку. Мы работаем вместе, как всегда. Слаженно. Привычно.

Несколько раз наши руки случайно касаются. Каждый раз меня передёргивает. Но я не подаю виду. Улыбаюсь, благодарю, продолжаю работать.

Максим носится по дому, мешается под ногами, пытается украсть печенье со стола. Гоняю его, смеюсь, треплю по волосам. Обычная мама в обычный день. Никто не догадывается, что внутри у меня всё разваливается на части.

К шести начинают приходить гости. Подруги Даши – стайка четырнадцатилетних девочек в ярких платьях и с ещё бо-

лее яркими эмоциями. Они заполняют дом смехом, музыкой, энергией молодости.

Потом родственники. Моя мама с отцом. Сестра с мужем и их детьми. Димины родители – Лариса Николаевна и Владимир Петрович.

Свекровь, как всегда, находит повод для критики.

– Анечка, не много ли розового? – говорит она, оглядывая украшенную гостиную. – Даша уже не маленькая девочка, может быть, что-то более сдержанное?

– Она сама выбирала, – отвечаю ровно. – Ей нравится.

– Ну-ну. Молодёжь сейчас странная, – вздыхает Лариса Николаевна.

Хочу сказать: "А ваш сын, который бросает семью ради молодой любовницы, он не странный?" Но молчу. Улыбаюсь. Предлагаю шампанское.

Дима рядом со мной весь вечер. Кладёт руку мне на талию, когда мы фотографируемся. Целует в щёку, когда проходит мимо. Называет "моя любимая" при гостях. Играет роль идеального мужа.

И я играю в ответ. Прижимаюсь к нему на фото. Улыбаюсь в камеру. Смотрю на него с нежностью, которую совсем не чувствую.

Мы оба актёры в спектакле под названием "Счастливая семья". Только я знаю, что это последнее представление.

Моя мама смотрит на меня с беспокойством. Подходит, когда Дима отходит к другим гостям.

– Доченька, что-то не так? – тихо спрашивает она. – Ты какая-то... отстранённая.

– Всё хорошо, мам. Просто устала от подготовки.

Она не верит. Знаю по её взгляду. Но не настаивает. Просто целует меня в висок и шепчет:

– Я рядом, если что.

К восьми все гости в сборе. Зовём Дашу к столу. Гасим свет. Выносим торт со свечами. Четырнадцать маленьких огоньков в темноте.

Поём "С днём рождения". Даша смущённо улыбается, смотрит на горящие свечи. Задувает их одним дыханием. Все аплодируют.

Включается свет. Дима встаёт, поднимает бокал с шампанским. Просит всех замолчать. Наступает тишина.

– Дорогие гости, – начинает он, и в его голосе столько тепла, столько искренности. – Сегодня особенный день. Моей принцессе исполнилось четырнадцать лет.

Он смотрит на Дашу, и на его лице такая любовь, такая нежность.

– Четырнадцать лет назад, когда тебя положили мне на руки в роддоме, я понял, что такое настоящее счастье. Я посмотрел в твои глазки и дал себе слово – буду лучшим отцом на свете. Буду защищать тебя, любить тебя, давать тебе всё, что нужно для счастья.

Даша смотрит на него снизу вверх, и в её глазах обожание. Она любит его больше всего на свете. Для неё он – герой,

идеал, опора.

– И знаешь, что я понял за эти четырнадцать лет? – продолжает Дима. – Что самое важное в жизни – это семья. Вот она, вокруг нас. Твоя мама, которая сделала этот день волшебным. Твой брат, который смотрит на тебя как на богиню. Бабушки, дедушки, все, кто любит тебя. Семья – это то, что даёт нам силы. Это то, ради чего мы живём.

Он поднимает бокал выше, и все в зале замирают, слушая каждое слово.

– Я благодарен судьбе за нашу семью. За Аню, которая подарила мне двоих прекрасных детей. За нашу дочь, которая с каждым днём становится всё прекраснее. За нашего сына, который наполняет дом радостью. Вы – моё всё. Вы – смысл моей жизни. И я обещаю, что всегда буду рядом. Что бы ни случилось, мы всегда будем вместе. Потому что семья – это навсегда.

Он делает паузу, смотрит на меня. Наши взгляды встречаются. В его глазах что-то похожее на вину. Или мне это кажется?

– За нашу принцессу! За семью! За любовь!

Все поднимают бокалы, кричат "Ура!", аплодируют. Даша бросается к Диме, обнимает его, плачет от счастья. Он прижимает её к себе, гладит по волосам.

А я стою с бокалом в руке и чувствую, как внутри всё переворачивается. Семья. Навсегда. Всегда будем вместе.

Ложь. Всё – ложь.

Он врёт им всем прямо сейчас. Врёт дочери, которая верит каждому его слову. Врёт гостям, которые умиляются его речи. Врёт себе, пытаясь заглушить совесть красивыми словами.

Поднимаю бокал к губам. Делаю глоток игритого напитка. Оно кислое, горькое. Или это просто вкус лжи?

Вечер тянется бесконечно. Я улыбаюсь, разговариваю, разливаю напитки, режу торт. Хвалю подарки, благодарю за поздравления, фотографируюсь с гостями.

Дима рядом. Постоянно рядом. Обнимает меня для фото. Шепчет комплименты. Целует в щёку на глазах у всех.

И каждое его прикосновение – как удар ножом.

Глава 6

К десяти последние гости расходятся. Даша уходит к себе с подругами – они останутся ночевать, будут болтать до утра. Максим давно спит – вырубился часов в восемь, устав от праздника.

Мы с Димой остаёмся вдвоём. Убираем со столов, складываем посуду в посудомойку, упаковываем остатки еды.

– Отличный день получился, – говорит он, закрывая холодильник. – Даша счастлива. Ты молодец, Ань.

Молодец. Какая я молодец.

– Пожалуйста, – отвечаю, вытирая стол.

Он подходит сзади, обнимает за талию, целует в шею.

– Спасибо тебе. За всё.

Его губы на моей коже. Те же губы, которые целовали Веронику. Которые шептали ей слова любви. Которые лгали мне целый год.

Резко отстраняюсь. Не могу больше. Не могу притворяться.

– Что такое? – удивлённо спрашивает он.

Поворачиваюсь к нему. Смотрю в глаза. Вижу там недоумение, лёгкую обиду.

– Дим, нам нужно поговорить.

– О чём?

– О нас. О нашем браке. О том, что происходит.

Он хмурится, скрещивает руки на груди.

– Что происходит? Всё нормально. Мы отлично провели день...

– Прекрати, – перебиваю я. – Прекрати врать. Хотя бы сейчас, когда мы одни.

Молчание. Тяжёлое, давящее.

– Я не понимаю, о чём ты, – наконец говорит он.

– Не понимаешь? – усмехаюсь я. – Ты сегодня произнёс прекрасную речь о семейных ценностях. О том, что семья – это навсегда. Что ты всегда будешь рядом. Ты действительно веришь в эти слова?

Он бледнеет. Понимает, что разговор пошёл не в том направлении, которое ожидал.

– Конечно, верю. Семья для меня...

– Дим, – снова перебиваю я. – Я знаю. О Веронике. О ребёнке. Обо всём.

Время останавливается. Он замирает, открыв рот. Лицо белеет ещё больше. В глазах появляется страх.

– Что... как ты...

– Неважно как. Важно что. Я знаю, что ты изменяешь мне почти год. Что она беременна. Что ты собирался рассказать мне сегодня, после дня рождения Даши. – Голос дрожит, но я не останавливаюсь. – И знаешь, что самое ужасное? Не измена даже. А твоя речь. Ты стоял перед нашей дочерью, перед всеми гостями, и врал. Красиво, трогательно врал о семейных ценностях.

Он опускается на стул. Прячет лицо в ладонях.

– Аня... я собирался сказать. Сегодня. Я просто... не знал, как начать.

– Да? И как ты собирался начать? "Аня, я люблю другую и у нас будет ребёнок, но давай останемся друзьями"?

– Не так. Я собирался объяснить...

– Объяснить? – смеюсь я истерически. – И что ты собирался объяснить? Как случайно затащил сотрудницу в постель? Как случайно сделал ей ребёнка? Как случайно влюбился?

– Я не случайно! – вскакивает он. – Я люблю её! Понимаешь? Люблю!

Эти слова бьют сильнее, чем я ожидала. Физически больно. Как будто он ударил меня в грудь.

– А меня? – шепчу я. – Ты любил меня когда-нибудь?

Он молчит. Отводит взгляд.

– Конечно, любил. Люблю. Но по-другому...

– По-другому, – киваю я. – Не так, как её. Понятно.

– Аня, мы с тобой... мы давно чужие. Ты же сама это чувствуешь. Мы живём как соседи. Когда мы в последний раз разговаривали по-настоящему?

– Не смей, – шиплю я. – Не смей винить меня. Не смей говорить, что это из-за того, что мы "отдалились". Если тебе чего-то не хватало, нужно было сказать. Работать над отношениями. А не искать утешения у молоденькой подчинённой!

– Она не подчинённая! Она...

– Мне плевать, кто она! – кричу я, забыв о спящем Максиме и о Даше с подругами наверху. – Она разрушает нашу семью! Ваш ребёнок родится, и Даша с Максимом узнают, что у них есть сводный брат или сестра! Как ты им это объяснишь?

– Я всё объясню. Они поймут...

– Ничего они не поймут! Они ещё дети! Для них ты – герой, идеал! А ты разрушишь их мир одним махом!

Он садится обратно, и я вижу, как по его лицу текут слёзы. Впервые за все годы брака вижу, как мой муж плачет.

– Я не хотел, чтобы так получилось, – говорит он надломленным голосом. – Правда не хотел. Просто... случилось. Я встретил её, и всё изменилось. Я почувствовал себя живым впервые за много лет.

– А со мной ты чувствовал себя мёртвым? – спрашиваю я тихо.

Он поднимает голову, смотрит на меня красными глазами.

– Не мёртвым. Просто... не тем. Мы с тобой превратились в функцию. Ты – мать моих детей, хозяйка дома. Я – добытчик, кормилец. Где любовь? Где страсть? Когда мы в последний раз занимались любовью не по графику, а потому что не могли друг без друга?

Молчу. Потому что он прав. Не могу вспомнить.

– Видишь? – говорит он мягче. – Мы оба это чувствовали. Просто я первым нашёл в себе силы признать.

– Силы? – усмехаюсь я. – Ты называешь измену силой?

Ложь – силой?

– Я не хотел тебя ранить. Потому и молчал так долго.

– Но ранил. Очень больно ранил.

Мы сидим в тишине. Два чужих человека, которые когда-то любили друг друга.

– Что дальше? – наконец спрашиваю я.

– Не знаю. Честно не знаю. Я не могу бросить Нику и ребёнка. Но и детей не брошу. Буду участвовать в их жизни, помогать...

– Папа по выходным? – перебиваю я. – Алименты по графику?

– Аня...

– Уходи, – говорю я устало. – Из кухни. Сейчас. Не хочу тебя видеть.

– Мы должны всё обсудить. Спокойно, как взрослые...

– Уходи! – кричу я. – Вон! Немедленно!

Он встаёт, медленно идёт к выходу. Оборачивается на пороге.

– Прости, – шепчет он. – За всё.

Дверь закрывается. Я остаюсь одна на кухне, в окружении остатков праздника.

Опускаюсь на пол. Прижимаю колени к груди. И плачу. Тихо, чтобы никто не услышал. Плачу о семье, которой больше нет. О любви, которая умерла. О жизни, которая закончилась сегодня.

Семнадцать лет вместе. Закончились в одну ночь.

Наш с тобой развод, Дима, только начинается.

Глава 7

Лежу в темноте и смотрю в потолок. Половина третьего ночи. Дима ушёл спать в гостевую комнату – после нашего разговора мы оба понимали, что не можем быть в одной постели. В доме тишина. Даша с подругами наконец затихли часа в два. Максим посапывает в своей комнате. Все спят. Кроме меня.

Закрываю глаза, но сон не приходит. Вместо него – воспоминания. Они накатывают волнами, одно за другим, и я не могу их остановить.

Вот мы с Димой в той крошечной квартире на окраине. Мне двадцать два, ему двадцать шесть. Мы только поженились, у нас почти ничего нет – старая мебель от его родителей, посуда из IKEA, матрас на полу вместо кровати. Но мы счастливы. Лежим на этом матрасе, обнявшись, и мечтаем вслух. Я – об архитектурном бюро, которое открою. Он – о своём стартапе, который изменит мир. Мы строим воздушные замки и верим, что всё сбудется.

И знаете что? Сбылось. Его стартап выстрелил. Мы переехали в центр. Купили эту квартиру – трёхкомнатную, со светлыми окнами и видом на парк. Потом построили загородный дом. Завели детей. На бумаге – сказка.

А когда мы потеряли друг друга?

Переворачиваюсь на бок, обнимаю подушку. Она пахнет

Димой – его гелем для душа, его одеколоном. Запах, который я знаю семнадцать лет. Запах дома. Но теперь он вызывает только боль.

Пытаюсь вспомнить, когда я в последний раз чувствовала, что он действительно видит меня. Не функцию "мама детей" или "хозяйка дома" – а меня, Аню, женщину, которую он когда-то любил.

Может, три года назад? Нет, раньше. Четыре? Пять?

Помню тот день. Максиму было четыре года, Даше – девять. Я закончила большой проект – частный дом для очень требовательных клиентов. Работала над ним полгода, почти не спала, жертвовала всем. И наконец сдала. Клиенты были в восторге.

Я ворвалась домой вечером, счастливая, возбуждённая, полная энергии. Хотела поделиться этой радостью с Димой. Он сидел в гостиной с ноутбуком.

– Дим! Они приняли проект! Без единого замечания! Представляешь?

Он поднял глаза от экрана, улыбнулся рассеянно.

– Молодец, Ань. Я знал, что у тебя получится.

И снова уткнулся в ноутбук.

Всё. Это было всё. Никаких вопросов о проекте, никакого интереса. Просто дежурное "молодец" и обратно к работе.

Я тогда обиделась. Хотела устроить скандал, потребовать внимания. Но вместо этого пошла на кухню, начала готовить ужин. Потому что дети голодные. Потому что это моя обя-

занность. Потому что я привыкла быть второй по важности после его работы.

Сколько таких моментов было? Сколько раз я проглатывала обиду, разочарование, боль? Сколько раз молчала, когда хотелось кричать?

А ведь он тоже молчал. Наверное, тоже проглатывал что-то. Наверное, тоже обижался, разочаровывался. Только я не замечала. Была слишком занята детьми, работой, домом.

Когда мы перестали разговаривать?

Раньше мы могли болтать часами. О чём угодно – о книгах, фильмах, мечтах, страхах. Он рассказывал о своих проектах, я – о своих. Мы интересовались друг другом по-настоящему.

А потом... потом разговоры стали короче. Функциональнее.

– Как день?

– Нормально. А у тебя?

– Тоже нормально.

– Что на ужин?

– Курица с овощами.

– Хорошо.

Всё. Диалог окончен. Он уходит к себе в кабинет, я – загружать посудомойку.

И так каждый день. Годами.

Встаю с кровати, подхожу к окну. Москва за окном никогда не спит – огни, машины, жизнь кипит даже в половине

третьего ночи. А я стою здесь, в темноте, и чувствую себя мёртвой.

Нет, не мёртвой. Замороженной. Как будто меня поставили на паузу много лет назад, а я даже не заметила.

Вспоминаю себя в двадцать лет. Студентка архитектурного факультета, горящие глаза, миллион планов. Я собиралась проектировать небоскрёбы, менять облик городов, оставить след в истории. Я была амбициозной, целеустремлённой, живой.

А сейчас? Кто я сейчас?

Мать двоих детей. Неплохая, надо признать. Я стараюсь, вкладываюсь, люблю их больше жизни.

Жена. Вернее, была женой. Теперь уже не знаю, кто я для Димы.

Архитектор-фрилансер. Делаю небольшие проекты для частных клиентов – коттеджи, ремонты квартир. Ничего масштабного. Ничего значительного. Никаких небоскрёбов и следов в истории.

Когда я отказалась от своей мечты? Это случилось постепенно или был какой-то момент, когда я сказала "всё, хватит"?

Помню разговор с Димой, когда мне предложили место в крупном бюро. Даше было полгода. Я была в декрете, уставшая, невыспавшаяся, но всё ещё помнящая, кем хотела быть.

Мне предложили должность младшего архитектора в престижной компании. Зарплата небольшая, зато перспективы.

И главное – возможность работать над реальными проектами, над чем-то большим, чем ремонт трёшки на Юго-Западной.

Я была в восторге. Показала предложение Диме, ждала, что он обрадуется.

Он нахмурился.

– Ань, но как же Даша? Ей полгода. Ей нужна мама.

– Я найду няню...

– Няня – это дорого. И потом, я не хочу, чтобы чужой человек воспитывал нашу дочь.

– Не воспитывал, а присматривал. Несколько часов в день.

– Ты представляешь график в архитектурном бюро? Восемь часов минимум, плюс дорога, плюс переработки, когда горит дедлайн. Это двенадцать часов в день ты будешь не с ребёнком.

– Но это же моя карьера...

– Твоя карьера может подождать. Даша не может. Ей нужна мать, понимаешь? А не измотанная женщина, которая видит её час утром и час вечером.

Я тогда не согласилась сразу. Мы спорили, я плакала, требовала, чтобы он понял. Но в итоге сдалась. Потому что он был прав – в каком-то смысле был прав. Даша действительно была маленькой. Действительно нуждалась во мне.

И потому что его зарплаты хватало на всё. Зачем мне работать, если он обеспечивает семью? Я могла позволить себе сидеть дома, заниматься ребёнком, иногда брать небольшие

фриланс-проекты для души.

Для души. Смешно.

Отказалась я тогда от того предложения. Сказала себе: "Ничего, потом. Когда Даша подрастёт".

Но когда Даше исполнилось три, я забеременела Максимом. И снова декрет, снова памперсы и бессонные ночи. А когда Максиму исполнилось три, я поняла, что отстала от профессии. Все программы обновились, стандарты изменились, молодые выпускники делают в три раза быстрее то, на что мне нужна неделя.

Я стала неконкурентоспособной. Фрилансером на мелких проектах. Мамой, которая работает "для себя", пока дети в школе и садике.

А мечта про небоскрёбы? Она умерла где-то между первым и вторым ребёнком. Незаметно, тихо, без надгробия.

Возвращаюсь к кровати, ложусь обратно. Смотрю в потолок. В темноте он кажется бесконечным.

Думаю о том, что сказал сегодня Дима. "Мы превратились в функцию. Ты – мать моих детей, хозяйка дома. Я – добытчик, кормилец."

Он прав. Мы действительно превратились в это. Но когда? И кто виноват?

Я – за то, что погрузилась в детей и забыла про себя? Забыла, что я не только мама, но и женщина, личность, человек с желаниями и мечтами?

Он – за то, что позволил мне утонуть в материнстве? За

то, что не спрашивал, чего я хочу, о чём мечтаю, счастлива ли я?

Или просто жизнь так устроена? Рутина засасывает, дни складываются в недели, недели в месяцы, и вот ты уже не помнишь, как смеяться, мечтать, хотеть чего-то большего, чем выспаться и сдать проект вовремя?

Глава 8

Вспоминаю наш последний секс. Это было... когда? Месяца три назад? Или больше?

Он пришёл поздно, я уже была в постели, засыпала. Он лёг рядом, обнял, начал целовать. Я разрешила. Не потому что хотела – а потому что это часть брачного долга, правда? Жена должна.

Это было механически. Быстро. Без страсти, без эмоций. Он кончил, я сделала вид, что тоже, мы разошлись по разным сторонам кровати и заснули.

А утром вели себя, как будто ничего не было. Завтрак, дети, работа, обычный день.

Когда секс стал обязанностью, а не удовольствием?

Раньше я его хотела. Физически хотела. Скучала, когда он уезжал в командировки. Считала дни до возвращения. Набрасывалась на него прямо в прихожей, не давая раздеться.

А потом... потом я устала. От беременностей, от родов, от бесконечного недосыпа с младенцами. Моё тело перестало быть моим – оно кормило, качало, успокаивало. Для секса не оставалось ни сил, ни желания.

Дима пытался. Первые годы пытался. Ухаживал, намекал, инициировал. А я отказывала. "Устала", "голова болит", "дети проснутся".

Постепенно он перестал пытаться. И я не расстроилась.

Наоборот – вздохнула с облегчением. Одной обязанностью меньше.

А он, оказывается, просто нашёл того, кто не будет отказывать. Молодую, энергичную, желающую его.

Справедливо ли обвинять его? Если я сама отказалась быть женой в полном смысле этого слова?

Нет. Нет, несправедливо так думать. Он мог поговорить со мной. Сказать, что ему не хватает близости. Предложить сходить к психологу, что-то изменить. А не лезть в постель к первой попавшейся.

Хотя она же не первая попавшаяся. Вероника. Он её любит. Сказал же – любит. Не просто переспал, а именно полюбил.

Значит, там есть что-то большее, чем секс. Эмоциональная связь. Та самая, которую мы потеряли с Димой.

Когда мы перестали быть друзьями?

Потому что мы были друзьями, когда встретились. Лучшими друзьями. Я могла рассказать ему всё – о страхах, сомнениях, мечтах. Он слушал, понимал, поддерживал. И я его слушала так же.

А сейчас? Я даже не знаю, чем он живёт. Какие у него планы, проблемы, мечты. Он рассказывает что-то о работе, но это поверхностное, скучное. Цифры, сделки, проекты. Ни слова о том, что он чувствует, чего боится, о чём думает перед сном.

И я ему не рассказываю. Потому что некогда, потому что

устали, потому что привыкли молчать.

Тишина стала нормой. Комфортной, привычной тишиной, в которой не нужно притворяться, делать усилия, быть интересной.

Только эта тишина и убила нас. Медленно, незаметно, как угарный газ.

Смотрю на часы. Уже четыре утра. Через три часа нужно вставать, будить детей в школу. Нужно спать.

Но как я могу спать, когда моя жизнь разваливается на части?

Завтра – нет, уже сегодня – мне придётся проснуться и продолжать жить. Как будто ничего не изменилось. Приготовить завтрак, отвести Максима в школу, проводить Дашу. Сесть за компьютер, работать над проектом, у которого скоро дедлайн.

Но всё изменилось. Абсолютно всё.

Мой муж меня не любит. Давно не любит. А я, кажется, тоже его не люблю. Не так, как должна жена любить мужа. Я люблю в нём отца моих детей. Человека, с которым прожила семнадцать лет. Привычку. Стабильность.

Но не его. Не Диму – человека, личность, мужчину.

Когда я поняла это? Только сегодня, когда он сказал "Я люблю её"? Или раньше, но не хотела признавать?

Закрываю глаза, пытаясь представить жизнь без него. Просыпаюсь одна в этой кровати. Завтракаю одна. Укладываю детей спать одна. Хожу по дому, где нет его вещей, его

запаха, его присутствия.

Страшно. Очень страшно. Я не жила одна с двадцати двух лет. Не принимала решений одна, не несла ответственность одна.

А теперь придётся.

Развод. Это слово звучит в голове, и от него холодеет внутри. Развод означает юристов, суды, раздел имущества. Означает разговор с детьми, их слёзы, их вопросы, на которые у меня нет ответов.

Означает, что я стану разведённой матерью-одиночкой в тридцать четыре года. С двумя детьми на руках и неустойчивым доходом от фриланса.

Означает, что Дима построит новую семью. С Вероникой, с их ребёнком. Будет водить Дашу и Максима в гости к "папиной новой семье". Они увидят, как их отец счастлив с другой женщиной. Счастливее, чем был с нами.

Это больно. Невыносимо больно. Но что я могу сделать? Запретить ему быть счастливым? Держать насильно в браке, который умер?

Открываю глаза. Темнота в комнате начинает рассеиваться – значит, близится рассвет. Скоро нужно вставать.

И я встану. Приму душ, оденусь, накрашусь. Буду функционировать, потому что у меня нет выбора. Потому что дети не должны видеть, как их мать разваливается на части.

Но внутри я знаю: жизнь, которую я знала семнадцать лет, закончилась. И что будет дальше – непонятно и страшно.

Последняя мысль перед тем, как всё-таки проваливаюсь в беспокойный сон: может, Дима прав. Может, нам обоим нужно начать сначала. Отдельно друг от друга.

Может, у каждого из нас есть шанс снова стать собой. Не функцией в чужой жизни, а живым человеком.

Даже если этот шанс стоит разбитого сердца и разрушенной семьи.

Глава 9

Офис адвоката находится в старом доме на Пресне. Район, где смешались современные бизнес-центры и довоенные жилые здания. Я захожу в подъезд… запах влажности, старых труб и чего-то ещё, неуловимого, но тревожного. Может быть, так пахнет чужое горе? Сколько разбитых судеб побывало в этих стенах до меня?

– Анна Сергеевна? Проходите, Михаил Леонидович вас ждёт, – секретарь, молодая девушка с аккуратным пучком и в строгом костюме, провожает меня по коридору.

В последние дни я словно играю в странном спектакле. Встаю, готовлю завтрак, отвожу детей в школу. Возвращаюсь домой, где Дима делает вид, что ничего не происходит. Мы избегаем друг друга. Он ночует в гостевой. Даша чувствует напряжение, но молчит. Максим спрашивает, почему папа не спит с мамой. Я отвечаю что-то про работу, про его недосып. Вру. Снова вру.

Дима пока не съехал. Мы застыли в этом болезненном промежуточном состоянии. Ни вместе, ни врозь. Я подслушала его разговор с Вероникой вчера вечером. Он шептал в трубку: «Потерпи, родная. Скоро всё решим. Я подбираю момент».

Подбирает момент. Для чего? Чтобы сказать детям? Чтобы уйти окончательно? Чтобы я согласилась на всё, что он

предложит?

– Присаживайтесь, – адвокат, Михаил Леонидович, мужчина лет пятидесяти с проницательными глазами и седеющими висками, указывает на кресло напротив. – Чай, кофе?

– Ничего, спасибо.

Мои руки дрожат, сжимая сумочку. Я не спала толком уже неделю. Ночью сидела, разбирала документы, искала выписки, договоры, всё, что могло бы пролить свет на наше финансовое положение. То, что я нашла, меня не обрадовало.

– Итак, у вас сложная ситуация в семье, и вы рассматриваете возможность развода, – начинает он, открывая блокнот. – Расскажите подробнее.

– Мой муж... у него есть другая женщина. Уже год. Она беременна. Он хочет уйти к ней. – Слова звучат ровно, почти механически. Будто я говорю о чужой жизни, о фильме, который недавно посмотрела.

– Понимаю. Семейный стаж?

– Шестнадцать лет в браке, семнадцать вместе.

– Дети?

– Двое. Дочь четырнадцати лет, сын десяти.

Он делает пометки, кивает. Задаёт ещё десяток вопросов – бытовых, формальных. Я отвечаю автоматически. А потом мы переходим к главному.

– Имущество, – говорит он. – Что у вас есть совместно нажитого?

Достаю из сумки папку. В ней все документы, которые я

смогла найти.

– Квартира в центре, где мы сейчас живём. Загородный дом на Рублевском шоссе. Две машины – мой Lexus и его Range Rover. Ещё есть первая квартира, на окраине, мы её сдаём. И бизнес мужа, конечно. IT-компания с оборотом... точно не знаю, но в сотни миллионов.

Михаил Леонидович просматривает документы. Его лицо остаётся непроницаемым, но я замечаю, как сжимаются губы. Это не предвещает ничего хорошего.

– Анна Сергеевна, – он поднимает глаза, – вы когда-нибудь интересовались, на кого оформлена недвижимость?

– В смысле? – не понимаю я. – Мы женаты, всё приобретено в браке. Какая разница, на кого оформлено?

Он вздыхает. Достаёт из папки выписку из ЕГРН, которую я принесла.

– Смотрите. Квартира, в которой вы живёте сейчас, оформлена на ООО «Инвест Груп». Это компания вашего мужа?

– Наверное, – растерянно отвечаю я. – У него несколько компаний, я в них не разбираюсь.

– А загородный дом?

Перелистывает страницу.

– Здесь собственник – кипрская компания Sunrise Holdings Ltd. Это тоже связано с вашим мужем?

– Я... не знаю, – чувствую, как холодок пробегает по спине. – Наверное. Он говорил что-то про зарубежные структу-

ры, налоговую оптимизацию... Я не вникала.

Адвокат смотрит на меня с сочувствием. Ненавижу этот взгляд. Бедная глупая домохозяйка, которая позволила мужу обвести себя вокруг пальца.

– А что с первой квартирой? Той, которую вы сдаёте?

Просматривает документы дальше.

– Вот, эта оформлена на вас лично. Хоть что-то.

– И что всё это значит? – спрашиваю я, хотя уже догадываюсь.

– Это значит, что юридически вам принадлежит только первая квартира. Всё остальное – нет.

– Но мы же всё покупали вместе! Загородный дом мы строили три года, я сама проектировала, выбирала материалы...

– Безусловно, вы можете доказать в суде, что эта недвижимость приобретена в браке. Но с юридическими лицами, особенно иностранными, судиться сложно. Процесс может занять годы.

Годы. А жить где? На что?

– А машины?

Он перелистывает документы.

– Ваш Lexus оформлен на лизинговую компанию, платежи идут с расчётного счёта ООО «Техно Система». Это тоже компания мужа?

Киваю. Конечно, его. Всё его.

– А как же... я не понимаю... – запинаюсь я. – Мы семна-

дцать лет вместе. Я отказалась от карьеры ради семьи. Родила двоих детей. Вела дом. Поддерживала его. Неужели у меня нет прав?

– Есть, конечно, – кивает адвокат. – Вы имеете право на половину совместно нажитого имущества. Но проблема в том, что формально большая часть имущества оформлена не на вашего мужа, а на компании. Да, мы можем доказать, что это фактически его активы, но это долгий путь. А бизнес?

– Что с бизнесом?

– IT-компания зарегистрирована в России?

– Да, конечно. «IT Solutions», головной офис на Белорусской.

– А владеет ей кто?

Я снова растерянно пожимаю плечами.

– Дмитрий, разумеется.

Михаил Леонидович снова перебирает документы.

– Здесь нет выписки из ЕГРЮЛ... – он открывает ноутбук, что-то ищет. – Так... ООО «Айти Солюшнс»... Учредитель – кипрская компания Techtron Limited. Генеральный директор – Ковалёв Дмитрий Владимирович.

– И что это значит?

– Это значит, что формально ваш муж не владеет компанией, а только управляет ей. Владеет кипрский офшор. Вероятно, конечным бенефициаром является ваш муж, но доказать это сложно.

Я чувствую, как внутри всё обрывается. Дима всё проду-

мал. Все эти годы, пока я занималась домом и детьми, он выстраивал сложную структуру, защищающую его активы. От налогов. От кредиторов. От меня.

– Когда была создана эта кипрская компания? – спрашиваю я, и голос дрожит.

Он смотрит на экран.

– Techtron Limited зарегистрирована в 2018 году.

Шесть лет назад. Максиму было четыре, Даше – восемь. Мы были счастливой семьёй. По крайней мере, я так думала.

А он уже тогда выводил активы из нашей совместной собственности? Уже тогда планировал...

Нет, вряд ли он планировал уход из семьи шесть лет назад. Скорее, просто защищал бизнес. Но теперь эта защита работает против меня.

– И что мне делать? – спрашиваю я, чувствуя, как слёзы подступают к глазам. Но плакать нельзя. Только не здесь. – У меня двое детей. Я не работала в офисе восемь лет. У меня нет сбережений. Всё на картах, которые Дима в любой момент может заблокировать.

Михаил Леонидович смотрит на меня с сочувствием. Потом откидывается в кресле.

– Есть несколько путей. Первый – мирно договориться с мужем. Возможно, он согласится на справедливое разделение имущества без суда.

Я горько усмехаюсь.

– После того, как я обнаружила его годовую переписку с

любовницей? После того, как узнала, что он планировал уйти сразу после дня рождения дочери? Вряд ли он настроен на мирные переговоры.

– Тогда второй путь – судебный процесс. Долгий, дорогой, изнурительный. Мы будем доказывать, что имущество, оформленное на компании, фактически является совместно нажитым.

– Сколько это займёт времени? И сколько будет стоить?

– Годы. И миллионы. У вашего мужа явно есть ресурсы для хорошей юридической защиты.

Я молчу, осмысливая. Годы судов. А жить на что? Где? Как содержать детей? Дима может просто перестать давать деньги, и я окажусь на улице.

– Есть третий путь, – говорит адвокат, понизив голос. – Он... не совсем стандартный.

Я поднимаю глаза. В них, должно быть, отчаяние, потому что он продолжает:

– Мы можем поискать компромат. Что-то, что ваш муж очень не хотел бы предавать огласке. Налоговые схемы, сомнительные сделки... В бизнесе такого масштаба всегда есть что-то, что лучше держать в тени.

– Вы предлагаете мне шантажировать собственного мужа? – спрашиваю я, не веря своим ушам.

– Я предлагаю использовать все доступные рычаги давления для защиты ваших интересов и интересов ваших детей, – отвечает он сухо. – В конце концов, не вы начали эту войну.

Войну. Да, это война. И Дима сделал первый выстрел, когда затащил в постель свою сотрудницу и сделал ей ребёнка. Когда построил целую финансовую крепость, чтобы защитить свои активы от меня. Когда планировал свой уход, не оставляя мне ничего.

– А если... – начинаю я, и сама пугаюсь своих мыслей. – Если есть другая женщина, и она сотрудница его компании... Это можно как-то использовать?

Адвокат оживляется.

– Служебный роман? Это интересно. Особенно если она его подчинённая. Тут можно говорить о злоупотреблении служебным положением, о харассменте...

– Она PR-директор. Вероника Соловьёва, 26 лет. Беременна от него. Я нашёл их переписку. У меня есть доказательства.

– Это уже совсем другое дело, – кивает Михаил Леонидович. – У вас есть хорошие козыри. Угроза репутационных потерь может быть эффективнее любого суда.

Я представляю себе заголовки: «Успешный IT-предприниматель бросил жену ради беременной подчинённой». Публичный скандал. Разгромные статьи. Потеря инвесторов, клиентов, партнёров.

Дима такого не выдержит. Его бизнес – это всё для него. Или уже не всё? Может, Вероника и их будущий ребёнок теперь важнее?

– Я подумаю, – говорю я, собирая документы.

– Ещё один момент, – останавливает меня адвокат. – Дети. Вы планируете оставить их с собой?

– Конечно! – восклицаю я. – Они всегда жили со мной. Я занималась ими все эти годы.

– Суд обычно оставляет детей с матерью, особенно несовершеннолетних. Но ваш муж может попытаться оспорить это. Особенно учитывая... финансовые обстоятельства.

Я замираю.

– Что вы имеете в виду?

– Он может заявить, что способен обеспечить детям лучшие условия. Что у него есть стабильный доход, жильё... А у вас?

– Но я их мать!

– Материнство – безусловное преимущество, но не абсолютная гарантия. Тем более что ваша дочь уже подросток. Её мнение будет учитываться.

Меня словно ударяют под дых. Даша. Моя девочка. Обожает отца. Всегда была папиной дочкой. А что, если она выберет его? Что, если предпочтёт жить в роскошном доме с отцом, а не в съёмной квартире с матерью?

А Максим? Ему нужен мужской пример. Нужен отец.

Они могут уйти с ним. И я останусь совсем одна – без денег, без дома, без детей.

– Что вы мне посоветуете? – спрашиваю я, и голос срывается.

– Собирайте доказательства. Всё, что может вам приго-

диться. Записывайте разговоры. Делайте скриншоты. Ищите документы. И главное – не показывайте мужу, что вы готовитесь к войне. Пусть думает, что вы сломлены и согласны на всё.

Кажется, моё лицо выдаёт сомнения, потому что он добавляет:

– Анна Сергеевна, я понимаю ваши моральные колебания. Но подумайте о детях. О себе. Ваш муж годами выстраивал схемы, чтобы защитить свои активы. От вас. От собственной жены. Он готовился. А вы?

Нет. Я не готовилась. Я верила, что наш брак крепок. Что мы семья. Что мы вместе навсегда, как обещали друг другу шестнадцать лет назад.

Я была дурой.

– Ещё один вопрос, – говорю я, вставая. – Совместный счёт в банке. Он может просто снять оттуда все деньги?

– Может, – кивает адвокат. – И, скорее всего, сделает это в момент, когда решит, что вы представляете угрозу.

– А если я сниму деньги первой?

Он смотрит на меня с лёгкой улыбкой.

– Законно. Это совместные средства. Но делать это нужно очень аккуратно. И сразу переводить в безопасное место.

Киваю. Выхожу из офиса на ватных ногах. Спускаюсь по лестнице, держась за перила. В голове пульсирует одна мысль: я в ловушке. Финансовой, юридической, эмоциональной. Как крыса в лабиринте, где все выходы перекрыты.

На улице моросит дождь. Достаю телефон, смотрю на время – два часа дня. Нужно забирать Максима из школы.

Телефон вибрирует – сообщение от Димы: «Мы можем поговорить сегодня вечером? Серьёзно поговорить. Я понимаю, что должен объяснить многое».

«Конечно», – отвечаю я, чувствуя, как внутри всё сжимается. Вот он, момент, который он «подбирал». Сегодня он скажет мне, что уходит. Предложит какие-то условия. Будет думать, что я соглашусь, потому что у меня нет выбора.

Ещё одно сообщение приходит, пока я сажусь в машину: «У Максима температура, со школы звонили. Я забрал его, мы едем домой».

Тревога поднимается внутри волной. Максим болен. Дима забрал его. Они вместе. Без меня.

А что, если это начало? Что, если он уже запустил свой план? Забирает детей, убеждает их, что с ним им будет лучше. Готовит почву для того, чтобы они выбрали его, а не меня.

Завожу машину. Руки дрожат так сильно, что я не сразу попадаю ключом в зажигание. В зеркале заднего вида вижу своё отражение – бледное лицо, потухшие глаза, морщинка между бровями, которой не было месяц назад.

Тридцать четыре года. Разведёнка. Без денег. Без дома. Возможно, без детей.

Нет. Только не это. Я буду бороться. Я не отдам своих детей. Не позволю Диме всё разрушить и уйти безнаказанным.

Даже если для этого мне придётся поступиться своими принципами. Даже если придётся стать той, кем я никогда не хотела быть.

Я еду домой. К сыну с температурой. К мужу, который предал меня. К разговору, который изменит нашу жизнь навсегда.

Телефон снова вибрирует. Неизвестный номер. Странно, кто это может быть?

Останавливаюсь на светофоре, открываю сообщение.

«Добрый день, Анна. Мы с вами не знакомы. Меня зовут Вероника. Думаю, нам пора поговорить. Лично».

Сердце пропускает удар. Она. Любовница Димы. Мать его будущего ребёнка. Женщина, которая разрушила мою семью.

И она хочет со мной поговорить.

Светофор загорается зелёным, но я не могу сдвинуться с места. Руки прилипли к рулю, сердце колотится так, что кажется – вот-вот выскочит из груди.

О чём она хочет говорить? Зачем? И главное – откуда у неё мой номер?

Позади сигналят машины. Я трогаюсь с места на автопилоте. Мысли путаются. Встретиться с ней? Зачем? Чтобы убедиться, что она моложе, красивее, успешнее? Чтобы услышать подробности их романа, которых я не знаю? Или она хочет извиниться? Попросить отпустить Диму по-хорошему?

А может, это ловушка? Может, Дима подговорил её, чтобы выяснить, что я знаю и к чему готовлюсь?

Нет. Встреча с ней – это последнее, что мне сейчас нужно.

Набираю ответное сообщение: «Нам не о чем говорить».

Глава 10

Я стою у двери гостиной и не могу заставить себя войти. Внутри сидят Дима, Даша и Максим. Они ждут меня. Ждут, когда я войду, и мы вместе разрушим их мир.

«Нам нужно поговорить с детьми. Сегодня. Вместе», – сказал Дима утром, и в его голосе была такая решимость, что я поняла – спорить бесполезно. Он прав. Мы не можем тянуть дальше. Даша уже всё чувствует – я вижу, как она смотрит на нас, как напрягается, когда мы оказываемся в одной комнате. Максим пытается вести себя как обычно, но по ночам приходит ко мне, забирается под одеяло и шепчет: «Мама, почему папа больше не спит с тобой?»

Почему. Хороший вопрос, Максимка. Потому что твой папа полюбил другую женщину. Потому что у тебя скоро будет братик или сестричка. Потому что наша семья, которую ты считал вечной, разваливается на части прямо сейчас.

Делаю глубокий вдох. Открываю дверь.

Они сидят на диване – Даша с телефоном в руках, Максим с игрушечной машинкой. Дима в кресле напротив, сжимает подлокотники так сильно, что костяшки пальцев побелели. Он тоже боится. Хорошо. Пусть боится.

– Дети, отложите свои дела, пожалуйста, – говорю я, и голос дрожит, несмотря на все попытки держаться спокойно.

Даша поднимает глаза. В них мгновенная тревога. Она всё

понимает. Конечно понимает – ей четырнадцать, она не глупая. Она видела, как мы с Димой избегаем друг друга последние дни. Видела мои красные глаза по утрам. Слышала, как я плачу по ночам в ванной, думая, что никто не слышит.

– Что случилось? – спрашивает она, и в голосе уже паника.

Максим откладывает машинку, смотрит на меня снизу вверх. В его глазах такое доверие, такая уверенность, что мама всё исправит, всё будет хорошо. Как я могу разрушить это?

Сажусь рядом с детьми. Дима наклоняется вперёд, опирается локтями на колени. Мы репетировали этот разговор утром. Решили, что будем честными, но аккуратными. Что скажем о любви, которая не исчезла, но изменилась. Что заверим детей, что мы оба их любим и всегда будем рядом.

Красивые слова. Ложь, обёрнутая в красивую обёртку.

– Даша, Максим, – начинает Дима, и я слышу, как у него срывается голос. – Мы с мамой хотим поговорить с вами. О нас. О нашей семье.

– Вы разводитесь, – говорит Даша. Не спрашивает – утверждает. Её лицо каменеет, пальцы сжимают телефон так, что экран трещит.

Я открываю рот, чтобы что-то сказать, но не могу. Слова застревают в горле. Киваю. Просто киваю, и этот кивок – как приговор.

– Нет, – шепчет Максим. – Нет, мам. Это неправда.

– Солнышко... – тянусь к нему, но он отшатывается.

– Вы не можете! – кричит Даша, вскакивая с дивана. – Вы не можете развестись! Мы же семья!

– Послушай, принцесса... – Дима встаёт, пытается подойти к ней, но она отступает, прижимаясь спиной к стене.

– Не смей называть меня так! – голос у неё срывается, переходит на визг. – Не смей! Ты... ты же вчера говорил, что семья – это навсегда! На моём дне рождения! Ты стоял и врал всем! Врал мне!

Её слова режут меня, как ножом. Потому что она права. Дима врал. Мы оба врали, улыбались, играли роли счастливой семьи, когда уже знали, что всё кончено.

– Даша, это не так просто... – начинаю я, но она разворачивается ко мне.

– А ты! – кричит она, и в её глазах столько боли, что мне хочется провалиться сквозь землю. – Ты же всё знала! Я видела! Видела, как ты на него смотришь! Почему ты не остановила это? Почему не исправила?

– Я пыталась...

– Нет! Не пыталась! Вы оба просто сдались! Вам плевать на нас!

– Это не так, – Дима делает шаг к ней. – Мы вас очень любим. Оба. И это не изменится никогда.

– Ложь! – Даша плачет теперь, слёзы текут по лицу, размазывая тушь. – Если бы вы нас любили, вы бы не разводились! Не разрушали нашу семью!

Максим всё ещё сидит на диване. Он не плачет, не кричит. Просто сидит, уставившись в одну точку, и его молчание страшнее Дашиных криков.

– Макс, – зову я, опускаясь перед ним на колени. – Солнышко, скажи что-нибудь.

Он не отвечает. Даже не моргает. Смотрит сквозь меня, как будто меня нет. Как будто ничего нет.

– Максим, пожалуйста, – голос ломается. – Поговори со мной.

Ничего. Полная тишина. Мой болтливый, весёлый мальчик, который раньше не мог замолчать ни на минуту, сейчас молчит так, что это молчание звенит в ушах.

– Это из-за меня? – вдруг спрашивает Даша, и голос у неё совсем другой – маленький, испуганный. – Потому что я плохо училась в прошлом году? Потому что мы ругались?

– Нет! – в один голос говорим мы с Димой. – Даша, нет, это не из-за тебя.

– Тогда почему? – она сползает по стене, садится на пол, обхватывает колени руками. – Почему вы больше не хотите быть вместе?

Дима смотрит на меня. Я смотрю на него. Мы договаривались, что не будем вдаваться в подробности. Что просто скажем "отношения не сложились", "люди меняются", "это не чья-то вина".

Но Даша смотрит на нас, ждёт правды, и я понимаю – она имеет право знать. Не все подробности, но основное.

– У папы... – начинаю я, и Дима резко качает головой, пытаясь меня остановить. Но я не могу врать дальше. Не могу. – У папы появилась другая женщина.

Тишина. Долгая, тяжёлая, давящая тишина.

– Что? – шепчет Даша.

Дима закрывает лицо руками. Его плечи трясутся. Плачет ли он? Не знаю. Мне всё равно.

– Папа влюбился в другую, – повторяю я, и каждое слово даётся с трудом. – Он уходит к ней. Это не твоя вина, Даш. Совсем не твоя. И не Максимова. Это между мной и папой.

– Ты изменял маме? – спрашивает Даша, и в её голосе такое презрение, что Дима вздрагивает. – Ты изменял, пока мы все жили как обычно? Врал нам?

– Даша, я не хотел... – начинает он.

– Заткнись! – кричит она. – Просто заткнись! Я не хочу тебя слышать! Ты противный! Ты предатель!

Она вскакивает, бросается из гостиной. Через секунду хлопает дверь её комнаты. Потом звук бьющегося стекла – наверное, бросила что-то в стену. Потом плач – громкий, надрывный, детский плач, который разрывает мне сердце на части.

А Максим всё ещё сидит. Неподвижный. Молчаливый. Словно превратился в статую.

– Макс, – Дима подходит к нему, присаживается рядом. – Сынок, пожалуйста, скажи что-нибудь.

Максим медленно поворачивает голову. Смотрит на отца.

И в его глазах... ничего. Пустота. Как будто он ушёл куда-то внутрь себя и закрыл все двери.

– Ты не будешь больше с нами жить? – спрашивает он тихо, механически.

– Буду приезжать. Каждый день, если хочешь. Мы будем видеться...

– Ты не будешь больше с нами жить, – повторяет Максим, и это уже не вопрос. Констатация факта.

– Макс...

Мальчик встаёт. Идёт к выходу. Медленно, как будто каждый шаг даётся ему с огромным трудом.

– Максим, подожди! – кричу я, бросаясь за ним.

Но он уже на лестнице. Поднимается в свою комнату. Не бежит – просто идёт, шаг за шагом, держась за перила. Захожу за ним. Он ложится на кровать, поворачивается лицом к стене.

– Солнышко, пожалуйста, поговори со мной, – сажусь рядом, глажу его по спине.

Ничего. Он лежит, не двигаясь, не реагируя на мои прикосновения.

– Макс, я знаю, тебе больно. Мне тоже больно. Но мы справимся, правда? Я буду рядом. Всегда буду рядом.

Тишина.

– Я тебя люблю. Очень-очень сильно люблю. Ты – моё всё. Ты и Даша.

Он не отвечает. Даже не поворачивается. Просто лежит,

уставившись в стену, и это пугает меня больше, чем Дашины крики.

Выхожу из комнаты. Дима стоит в коридоре, опёршись о стену.

– Ты довольна? – спрашивает он тихо. – Ты рассказала им про Веронику. Настроила против меня.

– Я рассказала правду! – шиплю я. – Ты хотел, чтобы я врала? Говорила, что просто "отношения не сложились"?

– Им не обязательно было знать детали!

– Они имеют право знать, почему разваливается их семья! Почему их отец выбрал кого-то другого!

– Я не выбирал! Я люблю их!

– Но недостаточно, чтобы остаться!

Мы стоим, почти нос к носу, и я вижу в его глазах ярость, боль, вину. Всё вперемешку. Хочу ударить его. Хочу кричать, царапаться, делать больно так же, как больно мне.

Но вместо этого разворачиваюсь и ухожу в свою комнату. Запираю дверь. Сползаю по стене на пол. И наконец даю себе волю – плачу. Громко, некрасиво, захлёбываясь слезами и соплями.

Мои дети. Мои малыши. Я причинила им боль. Я и Дима – мы разорвали их сердца на части сегодня. И эта боль останется с ними навсегда. Даже если мы будем стараться, даже если будем лучшими родителями на свете, они всегда будут помнить этот день. День, когда их мир рухнул.

Глава 11

Остаток дня проходит в тяжёлом молчании. Даша не выходит из комнаты. Я приношу ей обед, ужин – тарелки остаются нетронутыми у двери. Слышу, как она разговаривает по телефону с подругами, плачет, и мне хочется ворваться, обнять её, сказать, что всё будет хорошо.

Но это будет ложь. Ничего не будет хорошо. Уже никогда не будет как раньше.

Максим тоже не выходит. Я захожу к нему каждый час. Он лежит на кровати, смотрит в потолок. Не ест, не пьёт, не играет. Просто лежит.

– Макс, тебе нужно поесть, – говорю я вечером, принося ему его любимые сырники.

Он не отвечает.

– Солнышко, пожалуйста. Хоть немножко.

Молчание.

– Хорошо, – ставлю тарелку на тумбочку. – Если захочешь – здесь. Я буду внизу, хорошо?

Спускаюсь в гостиную. Дима сидит там с ноутбуком, но экран пуст. Он просто смотрит в него, не моргая.

– Как дети? – спрашивает он, не поднимая глаз.

– Ужасно, – отвечаю я. – Даша плачет весь день. Максим вообще не разговаривает.

– Им нужно время.

– Время? – смеюсь я истерически. – Ты серьёзно? Им нужен отец, который не бросил бы их!

– Я не бросаю! Я буду приезжать...

– Это не то же самое, и ты знаешь!

Он наконец поднимает голову. Смотрит на меня, и в его глазах столько усталости, столько боли.

– Я тоже не хотел, чтобы так вышло, – говорит он тихо. – Думаешь, мне легко? Думаешь, я не вижу, что творится с ними?

– Но ты всё равно уходишь.

– Да. Ухожу. Потому что остаться и притворяться – это ещё хуже. Для всех.

Мы смотрим друг на друга, два человека, которые когда-то любили друг друга, а теперь причиняют друг другу только боль.

В половине одиннадцатого я иду проверить детей перед сном. Даша спит – лицо в слезах, помятое, несчастное. Накрываю её одеялом, целую в висок. Она даже не шевелится.

Захожу к Максиму. Он не спит. Сидит на кровати, обхватив колени руками. Качается взад-вперёд. Дышит часто, прерывисто.

– Максим? – подхожу ближе, и сердце сжимается от страха. – Солнышко, что с тобой?

Он смотрит на меня, и в его глазах паника. Настоящая, животная паника. Дышит всё чаще, хватает ртом воздух, как рыба на суше.

– Макс! – бросаюсь к нему, хватаю за плечи. – Что случилось? Тебе плохо?

Он не отвечает. Не может ответить. Задыхается. Лицо краснеет, потом бледнеет. Он хватается за грудь, глаза расширены от ужаса.

– Дима! – кричу я. – Дима, быстро! С Максимом что-то не так!

Слышу, как он бежит по лестнице. Влетает в комнату.

– Что произошло?

– Не знаю! Он не может дышать!

Дима бросается к сыну, берёт его за руки.

– Макс, послушай меня. Смотри на меня. Давай дышать вместе. Вдох... выдох... вдох... выдох...

Но Максим не слышит. Он задыхается, плачет, трясётся всем телом. Это пугает меня так сильно, что я не могу думать.

– Нужна скорая! – кричу я, хватая телефон.

– Подожди, – Дима обнимает Максима, прижимает к себе. – Это паническая атака. Ему не хватает воздуха, но это психологическое. Макс, послушай папу. Ты в безопасности. Слышишь? Ты в безопасности. Ничего плохого не происходит.

– Не происходит? – я почти кричу. – Ты видишь, что с ним творится?

– Это из-за стресса. Из-за того, что мы рассказали сегодня. – Дима гладит Максима по спине, продолжает говорить

ровным, спокойным голосом. – Макс, дыши со мной. Медленно. Вдох на четыре счёта... один, два, три, четыре... Выдох на четыре счёта... один, два, три, четыре...

Максим всё ещё задыхается, но уже не так сильно. Он цепляется за Диму, вжимается в него, как делал, когда был маленьким.

Я сижу рядом, глажу его по голове, шепчу что-то успокаивающее. Не знаю что – просто слова, любые слова, лишь бы он слышал мой голос.

Постепенно его дыхание выравнивается. Он перестаёт трястись. Просто сидит в объятиях Димы, уткнувшись лицом ему в плечо.

– Всё хорошо, – шепчет Дима. – Ты молодец. Ты справился.

– Мне было страшно, – наконец произносит Максим, и голос у него совсем детский, беззащитный. – Мне показалось, что я умираю.

– Не умираешь, солнышко, – целую его в макушку. – Ты просто очень сильно переволновался.

– Из-за нас? – спрашивает Дима тихо.

Максим кивает, не поднимая головы.

– Прости, – шепчет Дима, и я вижу, как по его щекам текут слёзы. – Прости нас, Макс. Прости.

Мы сидим втроём на кровати, обнимаем нашего мальчика, который только что пережил паническую атаку, потому что его родители разрушили его мир. И я понимаю, что это

только начало. Впереди месяцы, может быть годы терапии, разговоров, слёз, попыток склеить то, что мы разбили.

– Я не хочу, чтобы вы развелись, – шепчет Максим. – Я хочу, чтобы всё было как раньше.

– Я тоже, малыш, – говорю я сквозь слёзы. – Но раньше уже не будет.

– Почему? – он поднимает на меня глаза, мокрые от слёз. – Почему вы не можете просто... остаться вместе?

И что я могу ответить? Что мы разлюбили друг друга? Что папа нашёл кого-то другого? Что иногда любовь умирает, и ничего с этим не поделаешь?

– Потому что так будет лучше для всех, – говорит Дима, и сам не верит своим словам. Я слышу это по голосу.

– Неправда, – качает головой Максим. – Мне от этого только хуже.

Мы не спорим. Потому что он прав. Ему хуже. Даше хуже. Нам всем хуже.

Остаёмся с Максимом, пока он не засыпает. Дима всё ещё держит его, боится отпустить. Я сижу рядом, глажу сына по руке. Когда его дыхание выравнивается, становится глубоким, мы осторожно укладываем его, укрываем одеялом.

Выходим из комнаты вместе. Стоим в коридоре, и впервые за много дней я не чувствую злости на Диму. Только безграничную усталость и боль.

– Нам нужен детский психолог, – говорю я тихо. – Завтра же начну искать.

– Я найду лучшего, – кивает он. – Деньги не проблема.

– Деньги не решат это, Дим.

– Знаю. Но хоть что-то я могу сделать.

Мы смотрим друг на друга. В его глазах та же боль, что и в моих. Та же вина. То же отчаяние.

– Мы разрушили их, – шепчу я. – Наших детей. Мы разрушили их сегодня.

– Я знаю, – он закрывает лицо руками. – Господи, я знаю.

И мы стоим в темноте коридора, два человека, которые когда-то обещали друг другу любить и беречь. А теперь единственное, что у нас осталось общего – это боль, которую мы причинили нашим детям.

И осознание, что эта боль останется с ними навсегда.

Утро приходит слишком быстро. Я не спала – сидела в кресле у окна Максима, следила за его дыханием, боялась, что паническая атака повторится. Каждый раз, когда он шевелился во сне, я вскакивала, готовая броситься к нему.

Дима тоже не спал. Я слышала, как он ходит по гостевой комнате, разговаривает по телефону – наверное, с Вероникой. Шепчет что-то, успокаивает. Её. Не нас.

Он ушел из дома еще до 6 утра…

В семь утра выходу на кухню. Нужно готовить завтрак, будить Дашу в школу. Жизнь продолжается, даже когда кажется, что мир рухнул.

Ставлю чайник. Достаю яйца, хлеб. Руки двигаются на автопилоте, но мысли далеко. Как мы будем жить дальше?

Останется ли Дима в этой квартире или съедет? Когда сказать детям о беременной любовнице? Или они не должны знать? Может, можно сохранить хоть эту иллюзию?

Звонок в дверь разрывает тишину.

Я замираю с яйцом в руке. Кто это может быть в семь утра?

Иду к домофону. Нажимаю кнопку видеосвязи.

На экране – женщина. Молодая, красивая, с длинными тёмными волосами, собранными в хвост. Светлый плащ. Под ним – округлившийся живот.

Вероника.

Сердце падает куда-то вниз, в желудок. Ноги подкашиваются. Я хватаюсь за стену, чтобы не упасть.

Она здесь. Любовница моего мужа стоит у нашей двери. Беременная его ребёнком.

– Анна Сергеевна? – её голос через динамик домофона звучит неожиданно мягко. – Я знаю, это ужасно. Но мне правда нужно с вами поговорить. Пожалуйста. Всего пять минут.

Не открывать. Должна просто не открывать. Сказать, что она сумасшедшая, и вызвать охрану.

Но вместо этого я слышу свой голос:

– Какого чёрта вы здесь делаете?

– Прошу вас. Это важно. Очень важно.

Что она может мне сказать? Что любит Диму? Что он выбрал её? Что они будут счастливы?

Но любопытство сильнее. Или мазохизм. Я нажимаю кнопку.

– Поднимайтесь. Третий этаж.

Открываю дверь квартиры. Жду в прихожей. Слышу, как лифт поднимается. Останавливается. Двери открываются.

Она выходит, и вот она передо мной. Вживую. Женщина, из-за которой разваливается моя семья.

Глава 12

Вблизи она ещё красивее, чем на фотографиях. Кожа гладкая, свежая, без единой морщинки – такая бывает только в двадцать шесть. Волосы блестят, собранные в высокий хвост. Лёгкий макияж подчёркивает точёные скулы, большие карие глаза. На ней дорогой светлый плащ, под которым угадывается аккуратный округлый живот. Пять месяцев, может, чуть больше. Его ребёнок растёт там, внутри неё.

Мы стоим друг напротив друга в прихожей моего дома. Любовница и жена. Молодая и увядающая. Будущее и прошлое.

– Спасибо, что согласились впустить меня, – говорит она, и голос у неё мягкий, приятный. Ни капли вызова или агрессии. – Я понимаю, как это должно быть тяжело для вас.

Понимает. Она понимает.

– У в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.